

После операции

Дин Вэньхуа

Есть определенные нормы врачебной этики, которые писатель Ремарк отразил во фразе Равика "ни один врач не согласится оперировать своего брата". Есть определенная степень близости, когда тот, кто лежит на операционном столе, не воспринимается тобой просто как пациент. Когда, например, нужно восстанавливать нервы в руке, прикосновения которой ты помнишь настолько явно, что даже от воспоминаний по телу бегут мурашки. И когда при этом нет другого выхода, нужно преодолеть себя. Микрохирургическая операция - не время для рефлексии. Нужно просто скрупулезно сшивать каждый нерв, следя, чтобы он не перекрутился и не спутался с другими разрезанными окончаниями, каждый сосуд и сухожилия, чтобы восстановить анатомическую целостность кисти руки - вершины эволюции, сложнейшего сочетания формы и функции, позволяющего проделывать мельчайшие манипуляции, такие, как хирургические операции, в том числе те, что еще не успела провести Мэйлин.

Прошло шесть или семь часов, когда Вэньхуа наложил последние швы. Всего с момента травмы у него было одиннадцать часов, он успел, и это было важнее, чем усталость, от которой хотелось сесть на первую горизонтальную поверхность или хотя бы на пол, потому что ныли шея, спина и руки.

- Всем спасибо за работу, - сказал он команде, помогавшей проводить операцию. - Отвезите Юн дайфу в отдельную палату в отделение.

Он не видел смысла в интенсивной терапии, все жизненные показатели были в норме. Вэньхуа посмотрел на свои перчатки, испачканные в её крови. Только бы все получилось. Он принял душ, чтобы проснуться, переоделся и отправился в палату, куда должны были перевести Мэйлин. Она должна была проснуться через пару часов. Ночь подходила к концу, за окном сгустились предрассветные сумерки. Три или четыре часа ночи, не было сил даже посмотреть на часы. Вэньхуа сел на пол под окном, прикрыл глаза и задремал. Он провалился в сон минут на сорок или на час, его разбудила пожилая медсестра, которая в эту ночь дежурила в отделении на этом этаже. Она ничего не стала спрашивать и не стала уговаривать его, чтобы он шел спать. Просто принесла кофе. Вэньхуа поблагодарил её и пересел на стул возле кровати. Он взглянул на часы - действие наркоза должно было скоро закончиться. Пульс и давление были в пределах нормы. на видевшихся из-под повязки кончиках пальцев Мэйлин был виден нормальный, а не сглаженный травмой нервов узор линий.

Мэйлин Юн

Мэйлин не помнила, как провалилась в сон, но проснулась от того, что ей было немного холодно и хотелось свернуться калачиком, накрыться потеплее одеялом и полежать так, чтобы согреться. У нее было чувство, что она давно столько много не спала - до ощущения, что она больше не хочет спать. Учитывая ее график работы, это было очень редкое чувство. Мэйлин пошевелилась, собираясь уже все-таки повернуться набок и подсунуть ладонь под подушку, но неловко двинула ладонью и

была окончательно разбужена уколом неприятной боли - не сильным, но достаточно ощутимым, чтобы это стряхнуло остатки сна и вызвало новую волну озноба. Она, видимо, из тех, кто просыпается от наркоза под тремя одеялами. Мэйлин открыла глаза и обвела взглядом потолок и стены комнаты, затем сфокусировалась на Вэньхуа и сонно ему улыбнулась.

- Привет, - очень тихо сказала она, здороваясь с женщиной. Несмотря на то, что она выспалась до упора, все равно была слабость, которая должна была позже пройти. - Сколько сейчас времени?

Не получалось даже голову повернуть, чтобы посмотреть на окно, где могло быть уже утро. Мэйлин никогда раньше не получала никаких серьезных травм, повреждений или заболеваний, если не считать одного разбитого в детстве пальца и одного разбитого намного позже сердца. И она могла лишь по учебникам предполагать, что именно чувствовали просыпающиеся от наркоза пациенты, а тут даже есть возможность самой убедиться, что приятного в этом маловато. Она постаралась почувствовать изменения в руке, но пока не смогла ничего понять определенного. Наверное, еще слишком рано и должно пройти какое-то время?

Дин Вэньхуа

Мэйлин начала просыпаться. Сначала об этом сказал чуть учатившийся пульс, затем она пошевелилась, и лишь после этого она проснулась и заговорила.

- Привет, - Вэньхуа улыбнулся. Он взглянул на часы и сонно поморщился. - Четыре двадцать утра. Все прошло хорошо. Как ты себя чувствуешь?

Он осторожно взял перевязанную руку под запястье и коснулся пальцами кончиков пальцев Мэйлин, для того, чтобы понять, начала ли возвращаться чувствительность. После общей анестезии это было не очень показательным, но хоть что-то. Все остальное будет понятно со временем, начиная с первых дней реабилитации.

Рука девушки была холодной, но кожа - чуть заметно влажной. Это было хорошим знаком, очень хорошим, учитывая, что с момента травмы прошло совсем немного времени.

- Ты замерзла? - спросил Вэньхуа и, не дожидаясь ответа встал со стула, чтобы взять сложенное на тумбе возле кровати шерстяное одеяло, которым он укрыл Мэйлин.

Мэйлин Юн

- Очень выспавшейся. И очень слабой, - перечислила Мэйлин, прислушиваясь к своему состоянию. Она видела сбоку мониторы, но не видела, что на них, и поэтому оценить самочувствие могла лишь по личным ощущениям. Но вроде бы все было хорошо. - И еще сильно замерзшей. И мне кажется, ты меня за руку держишь?

Она понимала это только очень смутно, как прикосновение через очень толстую и плотную ткань - когда есть ощущение, что кто-то прикасается, но это ощущение размыто и не имеет четких границ и воспринимается скорее просто пониманием, чем реальным осознанием момента прикосновения. При этом левая рука прекрасно

чувствовала под пальцами шероховатую поверхность пододеяльника, а тыльная сторона ладони - немного колючую шерсть того пледа, которым Дин Вэньхуа укрыл ее сверху, чтобы она могла согреться.

Она лежала, и пока не могла найти в себе силы взглянуть на свою изуродованную руку, хотя умом Мэйлин и понимала, что скорее всего сейчас ничего конкретного не увидит как минимум до первой перевязки, когда снимут бинты, чтобы обработать хирургический шов. И все равно из памяти не шла та уродливая не рука, а какая-то даже лапа, с некрасиво согнутыми фалангами пальцев и странно приставленным ко всем остальным большим пальцем, словно эволюция откинула ее на пару витков назад, отобрав у нее способность противопоставлять большой палец другим.

- Как моя рука выглядит? - спросила она, упрямо на нее не глядя - куда угодно, кроме нее. Просто еще не готова понимать, что на какое-то время она оказалась подведена своей же собственной ладонью - месяц, два или полгода, а может и на всю жизнь. - Сильно уродливо?

Дин Вэньхуа

- Озноб скоро пройдет, - ответил Вэньхуа. - Да, я держал тебя за руку.

Он знал, что чувствительность будет возвращаться постепенно, но уже к вечеру должно было наступить улучшение. Нервы были восстановлены достаточно быстро, чтобы восстановление шло в хорошем темпе. Хотя бы в той мере, чтобы Мэйлин могла чувствовать свою руку, даже если для восстановления мелкой моторики понадобится время. Она упрямая, она справится. Он снова коснулся рукой кончиков пальцев Мэйлин. Сейчас эта рука практически ничего не чувствовала, но уже скоро чувствительность и подвижность начнут возвращаться.

- Сейчас твоя рука закрыта повязкой, - сказал Вэньхуа и чуть улыбнулся. - Но я рассмотрел твои нервы, сосуды и сухожилия и очень старался сшить их так, чтобы ты на меня не злилась. Не уродливо, а со временем будет такой, к какой ты привыкла.

Искаженное положение кисти, вызванное дисфункцией срединного нерва, пока оставалось, хоть и было чуть менее выражено. На ладони был след от шва, но Вэньхуа постарался сделать его максимально аккуратным, чтобы со временем он стал практически незаметным. Повязка почти все это скрывала.

- Понадобится пять-семь дней, чтобы швы начали затягиваться, - сказал он. - После этого будем начинать физиотерапию. Я считаю, что, если очень постараться, мы восстановим твою руку за месяц. Но придется много работать.

Мэйлин Юн

Не ощущать свою руку было странно - Мэйлин казалось, что она какая-то однобокая совсем, но еще хуже было понимать, что Вэньхуа касается ее руки, а она этого почти не чувствует, только смутно воспринимает как нечто на периферии сознания. Она попыталась через силу пошевелить пальцами - согнуть пальцы, может быть, развести их в стороны, но не была уверена, что у нее что-то получилось. Из-за анестезии движения воспринимались искаженно. Она не стала говорить, что не

стала бы злиться на Вэньхуа даже в том случае, если ее рука навсегда останется вот такой некрасивой, неспособной сжаться, держать скальпель и обнимать того, кто тебе нравится, потому что хирурги не боги, они не могут давать гарантии.

- Подержи меня за эту руку? - попросила Мэйлин, вынимая левую из-под двух тяжелых одеял, потому что желание чувствовать его прикосновение было сильнее, чем желание свернуться комочком и наконец согреться. Тут что укрывай, что не укрывай одеялом, все одинаково холодно. - Ей я чувствую лучше.

Она наконец посмотрела вниз на свою забинтованную ладонь и поняла, что она до сих пор сохраняет неправильное положение - с некорректно согнутыми пальцами, хоть бинты и скрывали все это, оставляя снаружи только самые кончики пальцев. Но уже по этим кончикам было понятно, что сразу ничего не восстанавливается и нужно время. Намного больше времени. И почему она так поздно начала учиться врачеванию, ведь сейчас Мэйлин понимала, что снова не сможет восстановить нервы, как бы ни старалась.

- А папа? Я не могу передать его другому врачу, я должна сама, - упрямо сказала Мэйлин. Она должна сама следить за его состоянием, с рабочей рукой или без нее.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа взял Мэйлин за левую руку, которая не была повреждена, и потому чувствовала нормально. Он понимал, что девушке сейчас нужна поддержка, потому что до того момента, как начнется реабилитация, многое будет непонятно, а руки для хирурга - это все. Он надеялся, что дебошир, напавший на девушку, будет осужден за то, что натворил, но это не восстановит функцию руки, тут помогут только кропотливая работа и немного удачи.

Мэйлин уже была в пижаме, хотя обычно после операции этим никто не заморачивается, дожидаясь, пока пациент проснется после наркоза. Но Вэньхуа был благодарен тому, кто догадался одеть девушку, чтобы они не оказались в неловком положении.

- Ты пока не можешь оперировать, но ты все равно можешь работать, - сказал он. - И я по-прежнему рассчитываю на твою помощь в лечении Юна сяньшена.

Острый период после инсульта еще не прошел, и Вэньхуа не хотел, чтобы отец Мэйлин знал подробности о её травме. Пусть видит, что она продолжает работать, и ему будет достаточно сказать, что девушка повредила руку, и это скоро пройдет.

- Ты будешь в стационаре дней семь-десять, пока не снимем швы. Даже в это время ты можешь следить за состоянием своих пациентов, давать консультации и вести прием. То, что не сможешь сделать сама, поручи медсестре, - сказал Вэньхуа. - Ты можешь уйти на больничный сейчас и на период реабилитации после выписки, но ты ведь не захочешь?

Травма руки - не черепно-мозговая травма, чтобы прописывать строгий постельный режим. Вэньхуа понимал, что Мэйлин будет проще перенести период реабилитации, если она будет работать, несмотря на то, что с одной рукой сможет пока не так уж

много.

Мэйлин Юн

- Фэн дайфу может запретить мне работать, пока рука не восстановится, - сказала Мэйлин. Завотделения всегда очень бдительно следил за своими ординаторами, и немилосердно гнал их домой каждый раз, когда замечал, что они работают дольше положенного. Мэйлин и сама нередко огребала от него, когда хотела остаться на подольше, чтобы закончить свои дела. Все-таки она в первую очередь подчинялась ему, и Фэн дайфу может решить совершенно не то, на что надеется она. Мэйлин не могла быть уверена в том, что пожилой хирург в этот раз сменит гнев на милость и разрешит ей остаться, чтобы продолжать работу в качестве врача. Хотя бы кардиолога - левой рукой она сможет держать стетофонендоскоп, пусть и было обидно и очень грустно от того, что нельзя оперировать. Мэйлин почти с ненавистью посмотрела на свою ладонь, сейчас предусмотрительно скрытую от взглядов под чистыми бинтами. - Скажет лечиться и не приставать к пациентам. А я тут со скуки на стены буду лезть.

Мэйлин нравился бешеный ритм работы в клинике. Когда под конец смены выматываешься так, что хочется только прийти, лечь и отключиться до следующего дня, когда нужно снова идти работать. Потому что так не остается времени на всякие глупые мысли и рефлексии, которых полным полно и тех, у кого слишком много свободного времени. Насмотрелась она на жен политиков и чиновников, которые не знают, чем себя занять, и только ищут у себя несуществующие заболевания, основываясь на написанном в интернете.

Мэйлин постаралась подняться повыше, чтобы было удобнее сидеть и не чувствовать себя беспомощность тряпкой, но с одной неработающей рукой и второй занятой это было не так-то просто сделать. Мэйлин посмотрела на Вэньхуа, не зная, будет ли уместным попросить его ей помочь, или лучше самой. Ей не хотелось, чтобы он считал, что с ней нужно нянчиться.

Дин Вэньхуа

Фэн дайфу был строг со своими подчиненными в том, что старался, чтобы они не работали сверх и без того тяжелого графика. Но Вэньхуа считал, что сможет договориться с ним, чтобы он оставил Мэйлин хоть немного возможностей для практики, потому что для неё это было очень важно.

- Если Фэн дайфу не разрешит, я тебя прикрою хотя бы в том, что ты будешь и дальше лечить своего отца, - пообещал Вэньхуа.

Он заметил, как Мэйлин пыталась подняться выше на кровати и пока не могла справиться, не привыкнув обходиться одной левой рукой.

- Позволь, я тебе помогу, - сказал он, когда девушка на него посмотрела, но так и не решилась озвучить свою просьбу.

Вэньхуа встал со стула, подошел к Мэйлин, обнял её за талию, помогая приподняться, и поправил подушки под её спиной таким образом, чтобы ей было удобнее. Первое время ей понадобится помощь, потому что поначалу она лишь

будет замечать, что еще практически нереально сделать одной рукой. В клинике было достаточно санитарок, которые будут ей помогать, но вряд ли Мэйлин это сильно улучшит настроение.

- Рука сильно болит? - спросил Вэньхуа. - Тебе нужно обезболивающее?

В первые сутки после операций разрешалось назначать даже наркотические препараты, потому что боль в это время у многих была очень сильной. Травма Мэйлин была глубокой, и операция проводилась сложная, так что она наверняка должна была чувствовать боль по мере того, как заканчивалось действие наркоза.

Мэйлин Юн

Мэйлин прикусила губу, поняв, что думает и смотрит слишком очевидно, когда Вэньхуа помог ей сесть. Для него это, возможно, не представляло сложности, но ей самой было неудобно просить у него помощи сверх того, что он уже для неё сделал. А она даже сесть самостоятельно не может, потому что неудобно.

- Спасибо, - она слегка поклонилась мужчине, когда устроилась в кровати. Дрожь после наркоза понемногу проходила, но зато вместо неё появлялись неприятные зуд и даже боль в порезанной ладони. Девушка подтянула руку поближе к себе, уложив ее поперёк живота, потому что лежащей вдоль туловища она выглядела какой-то полумертвой и на неё уже даже смотреть было противно. Мэйлин всегда гордилась своими аккуратными узкими ладонями и тонкими длинными пальцами, руками хирурга, и так неприятно было осознавать, что одна - ведущая - ей сейчас не подчиняется. Как и многие хирурги, Мэйлин много времени уделяла ловкости рук и мануальным техникам, и в принципе могла обходиться левой рукой. Так она считала. А сейчас поняла, что на свете есть миллион различных действий и манипуляций, которые совершенно невозможно выполнить только одной рукой.

- Пока не очень больно, - ответила она на предложение ввести обезболивающее, потому что от него обязательно захочется спать. - Если будет сильно болеть, я позову медсестру. Ты успел отдохнуть? У тебя есть время до обхода, тебе нужно поспать. На тебе лица нет, если честно.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа не задумывался о том, как он выглядит, но мог догадаться, что после такой ночи не кажется отдохнувшим. Он волновался за Мэйлин, от того, как он провел операцию, и как будет проходить реабилитация, для неё зависело все, с чем она на данный момент связывала свою жизнь и свое будущее. Она жила работой, она была отличным кардиохирургом, особенно для своего возраста, и со стороны её судьбы было бы чудовищной несправедливостью лишать её возможности оперировать.

- Я сейчас пойду, - ответил Вэньхуа. - Просто хотел дождаться, когда ты проснешься.

Он понимал, что должен хоть немного поспать перед обходом, потому что усталость влияла не только на его внешний вид, но и на его способность соображать и быстро принимать верные решения, что для нейрохирурга куда важнее.

- Отдыхай, после наркоза ты, скорее всего, снова захочешь спать, - сказал Вэньхуа. -

Ты согрелась, или попросить медсестру, чтобы принесла еще одно одеяло?

Он снова посмотрел на забинтованную руку Мэйлин. Чуть надавил на подушечку указательного пальца, затем на ноготь, чтобы убедиться, что кровообращение полностью восстановлено. Мэйлин предстоял прием сосудорасширяющих препаратов, которые должны были улучшить питание поврежденные сухожилий и нервов и ускорить восстановление.

Мэйлин Юн

Мэйлин было приятно, что Дин дайфу дожидался того момента, как она проснется после операции. Вообще-то многие хирурги так делали, чтобы сразу иметь возможность оценить состояние пациента, но ей хотелось верить, что он ждал не только как врач, но и просто как человек.

- Не нужно, я хорошо себя чувствую, - если не считать паршивого осознания, что все пока не так радужно, как хотелось бы, она действительно чувствовала себя неплохо. Было уже не холодно, немного ныла рука, но, если ей не двигать, то она практически не беспокоила. По крайней мере пока. - Ты иди, это у меня теперь весь день свободен, а тебе ещё работать.

Она не питала иллюзий - обход продлится до самого конца смены Вэньхуа, а к тому моменту её скорее всего смотрит сон - обычное дело после наркоза. И увидит она Дина дайфу только в лучшем случае завтра утром, когда он придёт поинтересоваться динамикой восстановления. Она попрощалась с Вэньхуа, которому сейчас нужно было поспать хоть немного, чтобы продержаться до конца смены.

И, оставшись в палате одна, Мэйлин почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. Рука все ещё не двигалась и не слушалась, а Мэйлин совершила одну и ту же ошибку, что и сотни пациентов до нее - она надеялась, что операция одномоментно все исправит, и под утро от событий ночи останется только одно воспоминание в виде, может быть, шрама. При всем при этом как хирург она понимала, что такого не случится, и вроде бы была даже к этому готова, но все равно испытала сильнейшее разочарование, когда оказалось, что ещё надежды относятся к разряду фантастики. Рука лежала поперёк живота такая жалкая, безжизненная и забинтованная, что это давало повод пожалеть себя и посетовать на неудачное дежурство. Если бы она не вышла в коридор, чтобы проверить, что там за шум, ничего бы этого не случилось.
